

Лит. 242 1979, 24 лив.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

ские дали располагали старика к его заветным раздумьям».

В. КОРКИН. Да, но прежде всего, стало быть, нужны «заветные раздумья». Не имея их, человек будет ТОЛЬКО «охотником». В чем опасность такой психологии, если применить ее к читателю?

Ч. АЙМАТОВ. В потребительско-индигенческом отношении к литературе. Некоторые читатели убеждены,

самосохранения, оберегающий от «лишних» эмоций. Не думаете ли вы, Чингиз Торенулович, что и «круг чтения» любого читателя как бы очерчен такой чертой «опасности», чертой риска, которую он решает или не решает переступить?

Ч. АЙМАТОВ. Несомненно. Все мы рано или поздно оказываемся в жизни перед такой «чертой», требующей от нас мужества выбора. Может быть, самое сильное впечатление, какое я испытал как читатель, произошло в тот момент, когда передо мной вдруг забрезжил поразительный, неведомый мир искусства: и удивление, и восторг, и гордость — все сразу...

В. КОРКИН. ...и, наверное, страх? Ведь открыть «мир» — не шутка!

Ч. АЙМАТОВ. Страх? Пожалуй, когда следом пришла мысль: неужели я мог спокойно жить, не подозревая о существовании многих гениальных писателей, книг? Я только появился на свет, а меня уже ждали Гомер, Данте, Шекспир, Пушкин, Достоевский...

В. КОРКИН. Как нас, читателей, «ждут» великие писатели?

Ч. АЙМАТОВ. Как собеседников, надеясь, что мы, люди будущего, вернем им жизнь, дар памяти и речи, продолжив их мысли, их чувства. Они как бы вложили в нас свое бессмертие, доверили его нам.

В. КОРКИН. Да, но каким надо быть читателем, чтобы оправдать такое «доверие»!

Ч. АЙМАТОВ. Конечно, и все-таки у нас нет другого выхода, если мы не хотим заслужить упрек в неблагодарности. Значит, надо, отринув любое чувство самоуничтожения или, наоборот, самодовольства амбиций, читать, вчитываться, перечитывать, пристально и пристрастно, чем прежде, вглядываясь в каждое слово великих писателей, зная, что внутри него — тайна живой жизни, которая откроется не самому изощренному и благодарному читателю. И тогда он испытает подлинное наслаждение, потому что ощутил биение тех сокровенных мыслей и чувств человека, которые послужили причиной гениального творчества и сотворчества его, читателя.

В. КОРКИН. Кто-то из композиторов высказался в том смысле, что он пишет не ДЛЯ фортепьяно, а ОТ фортепьяно. Если эту мысль перевести в область литературы, ОТ ЧЕГО пишет писатель?

Ч. АЙМАТОВ. От слова, от родного языка, который должен быть «вечным» и который вместе с тем у каждого настоящего писателя свой. Чувство достоинства не позволяет писателю заимствовать готовые языковые формы и формулы, льстиво предлагающие себя, свои услуги, так сказать, «даром», — это удел эпигонов. Эпигон «мыслит» вне судьбы народа, вне конкретного человека, подставив на его место некую бездушную и безличную фигуру робота, полновластно управляя которой, он легко и непринужденно доказывает... какую-то аксиому, ибо и сам он — слуга, а в конечном счете и жертва какой-либо рациональной схемы. Кто-то, а досточтимый эпигон благополучно застрахован от изумления, которое знакомо писателю, когда его герой вдруг «выкинет» неожиданной, не предполагаемой самим автором поступок, заговорит «своим» языком. То есть заявит право на то, чтобы стать «самим собой». А если этого нет, то и получается, что герои разных авторов — все на одно лицо, изъясняются одним механическим, усредненно-информацион-

ным, бескорневым жаргоном, думая порой, что это и есть «современный» язык. Между тем это не что иное, как сумма словесных клише и штампов, за чем не разглядеть неповторимую духовно-нравственную сущность человека, личности. В том числе и специфику национального художественного мышления и мироощущения героев, которая выражается через поэтический язык, образный строй чувствования и сознания, своеобразие этически-философского восприятия бытия во времени и пространстве.

В. КОРКИН. Действительно, «усреднение» языка литературы — проблема, остро волнующая критику и многих читателей. Что это — неизбежный процесс или?

Ч. АЙМАТОВ. ...по моему, прежде всего следствие утилитарно-прагматических целей, которые имеют перед собой иные авторы, сосредоточиваясь на иллюстрации лишь функционально-профессиональной деятельности человека, искусственно ограничивая для него любую возможность духовного, сущностного проявления себя как личности.

В. КОРКИН. Было время, когда вас, Чингиз Торенулович, упрекали в пристрастии к «высоким» словам, даже, помнится, архаизмам, не соответствующим будто бы современному типу языка, его духу...

Ч. АЙМАТОВ. По-моему, писатель может употреблять любые слова, лишь бы они были пережиты. А что касается современности, то это прежде всего — способ и образ поэтического мышления художника, возникающий из «конфликта», из работы над необходимым словом, в котором он стремится открыть живую душу, глубоко и поэтично, изначально заложенные в нем и со временем стершиеся для нас. Слово исторично — это главное. Иначе оно — мертвый, абстрактный знак, взятый напрокат из словаря. Радость открытия Слова, когда это удается писателю, передается и читателю, заражает его неизъяснимым волнением, ибо в этот момент он прикасается душой к «вечному» и «новому» миру.

В. КОРКИН. «Чем объяснить. — спрашивает читатель В. Жарков (Волгоград). — что нередко в книге тебя поражает «старое» слово или выражение, как будто слышишь их в первый раз?»

Ч. АЙМАТОВ. Почему «как будто»? Именно: «в первый раз! Разве «видели» бы мы до Пушкина так празднично ясно русскую природу, какой явилась она в «Зимнем утре»? Это природа, озаренная счастьем: мороз и солнце! мороз и любовь! «Мороз» без «любви» — просто стужа, мертвящий холод.

В. КОРКИН. Если справедливо, что читатель «читает в книгу себя», то, вероятно, он интуитивно стремится «найти» себя в СЛОВЕ писателя, героев, то есть ищет «языки», посредством которого мог бы выразить свои чувства и мысли, не так ли?

Ч. АЙМАТОВ. При этом важно одно обстоятельство: современный читатель, читая любую книгу, «старую» или «новую», воспринимает ее в контексте мировой культуры, оценивая книгу и по тому, в частности, как она «продолжает» литературу, развивает и обогащает общечеловеческий язык искусства.

В. КОРКИН. Стало быть, современному читателю «труднее», чем, скажем, читателю «допушкинской» поры?

Ч. АЙМАТОВ. Зато мы смотрим на мир и на литературу тоже глазами Пушкина, Толстого, Чехова... Их писательский, да и читательский опыт как бы «растворен» в нас, читателях. Мы читаем от них.

В. КОРКИН. И, наконец, последний вопрос. Чингиз Торенулович: в чем, по-вашему, главный урок литературы, который она несет читателю?

Ч. АЙМАТОВ. Урок вечной человечности, жизнестойкости перед любыми испытаниями, ибо человек, в чьей душе созрели желание и способность любить жизнь и победит: будущее, которое он прозревает, — в его сердце.

Чингиз АЙМАТОВ:

МУЖЕСТВО ВЫБОРА

осознавшего себя на случайной песчинкой в безмолвии космоса, а личностью и осознавшего право на творчество, духовное и физическое, не как чье-либо частное дело, но как потребность, как свой человеческий долг, — все тот же вечный зов познания, жажды открытия себя в мире и мира в себе.

В. КОРКИН. Мне кажется, это идея образа Органа, героя вашей повести «Пегий пес, бегущий краем моря»: он человек, ощутивший насущную потребность испытать и «утвердить» себя перед вечными стихиями, ибо тем самым человек «соизмерен глубине и высоте миров».

Ч. АЙМАТОВ. Признаться, я не думал, что Орган, которого вы вспомнили, может пригодиться в разговоре на тему о проблеме читателя: он был... неграмотным мудрецом.

В. КОРКИН. Я имею в виду Органа не как читателя, умеющего «читать глазами», но его духовный мир, его талант слышать и откликаться на чужую боль и радость — те свойства души, не имея которых человек обречен на нравственную слепоту и глухоту. Простой охотник-нинх, он умел читать величайшую из книг — Природу.

Ч. АЙМАТОВ. Вы, пожалуй, правы, сравнивая отношение человека к искусству с отношением к природе, ибо истинно художественные (то есть олять-таки поэтические в высшем смысле) мысль, образ нельзя придумать; они рождаются в душе человека-поэта. И, конечно, противоестественно судить живой характер, как, скажем, и дерево, обвиняя его в том, что оно не столь совершенно, как бы этого хотелось нашему «эстету». К счастью, настоящий читатель так и не судит. Он любит или ненавидит баскорыстно, как и должен поступать нормальный человек, если он не сноб и тем паче не записной критик. С этой точки зрения баскорыстие того же Органа в том, по-моему, что «море влекло его» не только как охотника, но и как стихийного поэта: «мор-

что литература для того и существует, чтобы обслуживать их «духовные» и «интеллектуальные» запросы, развлекать, щекотать нервы или внушать правила «хорошего тона», поведении, с каковыми они, разумеется, вольны согласиться, если это устраивает их, льстит им, или же напроочь отринуть, если что-то задевает их самолюбие, подвергает сомнению их житейские принципы.

Кроме того, обыватель в звании читателя куда как подозрителен, ибо более всего боится оказаться в «дураках», увлекшись вымыслом: он-то знает (как видим, со ссылкой на самого Пушкина): литература — это «игра» (современный термин, заменивший «вымысел»). Но «обливаться слезами»? Здесь ему и Пушкин не указ.

В. КОРКИН. Не кажется вам, что подобное «кредо» своеобразно выразил автор следующего письма: «Извините, а впрочем, обойдусь и без извинений, но ПОЧЕМУ ЧЕГО РАДИ я, современная девушка, ДОЛЖНА сострадать, сопереживать (как призывают критики), например, Анно Карениной, да еще умирать вместе с ней?» (Н. М., Свердловск).

Ч. АЙМАТОВ. Похоже. Однако можно попытаться утешить инкогнито: «умирать», чтобы «родиться» заново.

В. КОРКИН. А может быть, не так пугает первое, как второе: «родиться» заново? Не это ли обстоятельство лежит в основе проблемы «трудной» литературы?

Ч. АЙМАТОВ. Я не верю, когда случается слышать суждение о ком-либо из великих писателей, что он-де непонятен, что его трудно читать. Больно (как, скажем, Достоевского) — да. Огасно — другое дело. Истинное искусство обязывает жить по-новому, ибо, по словам Толстого, заставляет любить жизнь во всех ее проявлениях.

В. КОРКИН. Но, вероятно, из того, что есть люди, которые яростно «сопротивляются», кого не «заставишь» любить, следует, что им спокойнее и удобнее существовать «без слез, без жизни, без любви», полагаясь на инстинкт

История нашей цивилизации — прекрасная, полная драматизма и страсти поэма о том, как человек стал человеком. Это главная тема-идея подлинного искусства, литературы, запечатлевающей духовную биографию человечества в образах самой высокой и чистой поэзии. Человек открыл поэзию как бессмертную силу, единственно способную противостоять ужасу забвения, и тем явил себя будущему. Можем ли мы, люди XX века, пренебречь завещанной нам памятью о себе или, упиваясь достигнутым, отказаться от дальнейшего познания мира, смысла жизни, собственной души? В основе мироощущения современного человека,